

Сергей
Меховщиков

ПРОЦВЕТШИЙ

крест

Сергей Меховщиков

Процветший крест

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Меховщиков С.

Процветший крест / С. Меховщиков — «Издательство
Интернационального союза писателей», 2026

ISBN 978-5-6055644-1-6

Он и она. Душа и грех. Иуда и Христос. Вы замечаете, как преломляется внутри каждого из нас двойственность мира? Как сквозь кошмарные сны эпохи нейронных сетей проявляются новые загадки сознания? Как замедлить хоть на минуту бешеный ритм жизни? Ведь где-то глубоко в любом человеке живёт мечта о созерцательном покое.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-1-6

© Меховщиков С., 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Русские	6
Волхв	6
Крепостные	7
Песня	9
Её дневник	10
Навыи	11
Двоеверие	12
Приворот	13
Призрачный витязь, туманы багровы	14
Петербург	15
Портрет	15
Акварель	16
Тоска	17
Балерина и кактус	18
Женщина с абсентом	19
Осень	20
Двое	20
Дождь	21
Свадьба	22
Осенний город	23
Моя осень	24
Прогулка	25
Поздняя осень	26
Она	27
Воспоминание	27
Дневник	28
Усталость	29
Ты и Я	30
Знакомство	31
Ревность	32
Ты, Я и Бусон	33
Быть может, я мечтал	34
Адажио	35
Моя порочная святая	36
Наш мир	37
Тени	38
Восторг	39
Она?	40
Наша тайна	41
Просьба	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Меховщиков

Процветший крест

© Сергей Меховщиков, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

Русские

Волхв

Дым рассеялся,
Остался
Только запах
На губах.
В очарованном
Пространстве
Спрячу мысли в облаках.
Отуманенные нивы
Ароматной желтизной
Сохнущей травы на солнце
Обещают мне покой.
Мчится кономем Дажьбога
Вновь светило на заход,
Утомлённое немного,
В черноту подземных вод.
Отражением в колодце
Под осколками луны
Я смотрю и вижу солнце
С обретеньем седины.

Крепостные

Хожу по музею – помещичьи лица:
Жестоки, надменны, с кнутами в зрачках.
Напудрены букли со вшами столицы,
С крестами за турок и души в зубах.

Нам кнут – вам театр,
И мы в нём актёры,
Оброком играть
Для бар-мародёров.

Невольничьи рынки
И книги Вольтера.
Избушки курные,
Дворцы кавалеров.

Мы пороты дурью,
Мы водкой убиты.
И дно Петербурга
Костями забито.

Пали, Пугачёв,
Правитель небритый.
Мы биты за веру,
И нас не молитесь.

Весёлые искры замёрзших росинок,
Прогнулись ветки в зелёных иголках.
Луна заплясала, и реки под льдиной
Серебряно-струнно играют по сёлам.

Красиво по полю с борзыми, вдогонку:
– За зайцем иль девкой? Да кто подвернётся.
Charmant¹, побежала! «Ату!» на девчонку!
Ах, весело, братцы! И ветер смеётся!

Блуждала по лесу, всё дальше от дома.
Растрёпаны косы, шушун весь истерзан.
Склонилась к берёзе в последней истоме.
«Нет мочи», – рука на кресте, и надежда исчезла.

Она замерзает, не чувствует тело,
Смыкаются веки в предвечный покой.
Ресницы седеют, лицо заблестело

¹ Charmant (*фр.*) – очаровательно, прелестно.

В прекрасных снежинках зимы костромской.

Она беспечальна, последнее в жизни
Желанье – приникнуть на мужнину грудь.
Всплывают картинки, они живописны,
Но он не согреет, ей время заснуть.

Безветренно, треск по деревьям морозным,
Далёкие звёзды во тьме небосвода...

Песня

Мне бы встретила́сь она́ да пораньше —
Был бы счастлив навсегда и без фальши:
Запорхала бы тогда жизнь снежинкой.
Воплотилась бы мечта, как картинка.

Не случилось, не сбылось. Наблюдаю,
Из оконца моего жизнь по краю.
Там, в закраине небес тёмно-синей,
Уплываю в никуда, в мёрзлый иней.

Заморозилась душа, не согреюсь,
Не придёт ко мне весна, не надеюсь.
Написать тебе письмо да красиво,
Немудрёные слова, но правдиво.

Прочитала б ты его – улыбнулась
Да по краешку небес упорхнула.
Белой горлицей кружишь и безгрешна
В подвенечных облаках белоснежных.

И в кокошнике своём златоглавом
Разукрасила б весну разнотравьем.
Расплескалось бы молвой наше счастье,
Возвратились бы домой, жить в согласье.

Одиночество сбылось, как хотелось.
Только осенью тоска – не успелось.
Тонко кружево сплести в грустной песне.
Вылить горькую судьбу бессловесно.

Полюбить бы мне её да пораньше.

Её дневник

Лёгким пёрышком порхает, грациозна и стройна,
Бархатистые ресницы раскрываются от сна.
В тех глазах глубокий омут, сталь холодного клинка.
Просыпается с луною продолженье дневника.
Там в словах заветных знания о потерянных веках,
Поученья вещей предков, откровенья при свечах.
Там кудель у старой пряжи превращается в судьбу,
И девица синеока затевает ворожбу.
Буквы весело струятся сказкой лунного луча.
Потаённые заклинанья потихонечку шепча,
Дева с тенью расстается, запрягая рысака,
Чтобы с милым обручиться у порога ветряка.
Сочиняет ворожея, ночь туманом расплела.
Миги молнии, удары, закрывает зеркала.
И саму простоволосу клонит в сон, ушла гроза.
В светлом сне она с любимым, покатила слеза.

Навыи

Уходит за чашу соловый Купало,
Прощальные блики сигнальной ракеты
И предков забытых к скитанью позвали —
Дневное забвенье в ночные приметы.

Прозрачные навьи, гонимые ветром, без тризны доселе —
Извечные стражи, безвременья жертвы. Край Дикого поля.
Песнь шёлковых трав в седовласых соцветьях под крестным
знаменем.
Склонились колосья в ислевшие кости. Взирают с укором.

Но кровь пробудилась в серебряных травах,
Начало осталось в потомках бездушных.
Мне сердце встревожит в Навь переправа.
Я с вами навечно, заблудшие души.

Двоеверие

В твоих молитвах обречён встать перед Богом на колени.
Под монастырскою стеной спасаюсь в тень своих сомнений.
Раскинулся над головой шатёр, слова из смальты пламенеют.
Я продираюсь сквозь кресты, сжимая сердце берендея.

Неправедную жизнь храни как оберег чужих обманов,
Надежду в Слово воплоти, на горизонт закрой все ставни.
В чащобы вятичей уйду, к волхвам на древние курганы.
С парáми стравы воспарю, родной земли вдохну туманы.

Мы встретимся ни в день, ни в ночь, на перекрестье, без причины,
Где крест прогнивший путевой сокрыт от неба домовиной.
Луна и солнце, крест-огонь – сольёмся в радостные гимны,
Почти святые облака
Забелят небо навсегда,
И станет сладкою рябина.

Приворот

Ах! Была бы весела, коль была б любимой,
И кружилась бы с весной птицей сизокрылой,
А сейчас в душе тоска, мысли скрылись моросью,
Увядает мой венок бело-красный, яблочный.

Мне увидеть бы тебя даже на мгновенье —
Расцвела бы на глазах и растаял иней.
Сердце рвётся из груди, краской заливаюся,
Но не видишь ты меня, деву полукровную.

Не подаришь мне кольцо, милое узорчье,
Не закружишь на руках ветром тёплым, ласковым.
Знать, когтями рвёт меня колдовство чухонское.
Убегаю от себя к омуту глубокому,
В отражение смотрюсь с утонувшим хохотом.
На Иванову зарю травы приворотные,
У русалок я возьму огоньки болотные.
И на праздник опую снадобьем любимого.
До заутрени смотрю в очи васильковые.

Ты лежишь уж неживой и никем не видимый,
Но зато теперь ты мой с заповедным именем.

Призрачный витязь, туманы багровы

Призрачный витязь, туманы багровы,
Комонь смиренный, нечёсана грива.
Битва прошла, безутешные вдовы
К небу взывают молитвой крикливой.
Пиршество вóронов, пáла дружина,
Месяц гуляет по шлемам злачёным,
Мёртвые ратники – клин журавлиный
В поле засеянном сталью точёной.
Калка и Пьяна несут свои воды,
Ласточки выются, ржавеют кольчуги.
Кровью напоена память народа,
Месть на Непрядве, сподоба недуга.
Ветер. Ковыль.
Степь и леса.
Прошлого былъ,
Снова гроза.

Петербург

Портрет

Лестница в город. Глаза закрывая,
С ангелом вместе, оставившим крест,
Ступеньки познания переступая,
Выйдем на купол сусальных небес.

Крылато поднимет меня с неприязнью
В тщеславие бурга, имперских страстей.
Звуки парадов, дробь перед казнью,
Сырой штукатурки кровавый подтекст.

Свинцовая сетка венозных каналов,
Игра отражений, где всё смещено.
Безумие князя, шинель маргинала,
Мгновенье полёта – теперь решено.

Невидимой тенью летя в галереях
К таинственной даме в саксонский покой,
Танцующий демон в истёртой ливрее,
Порочный и мрачный, встаёт за спиной.

Слова-полустанки случайных романов,
Осколки сознания потушенных свеч,
Обидой прогулки в очерченно-рваный
Круг подсознания зачёркнутых встреч.

Незрячие смыслы стыдливого утра,
Глаголы-останки с искусанных губ,
Объедки улыбок с осыпанной пудрой,
Экспрессия дрожи заломленных рук.

Пожатая бутылок в померкнувшем небе,
Разбитое солнце внутри пустоты.
Желаю удачи служившим молебам,
Целую на память ушедших на Вы.

Случайно-намеренно тайные взгляды
Сойдутся в насмешливо-рыжем лице.
Раскосо-порочная, в странном наряде,
Ты зрелости счастье в Сатурна кольце.

Акварель

Губная помада, кусок шоколада, цветущие розы Эдемского сада,
Бездонная сумка привычно проглотит вещественный опыт
Под три килограмма. Зеркально-привычно, с надменным
довольством,
Себе усмехаясь от счастья невольно.
Ещё полукружье...
Пожалуй, фривольно. Вот здесь незаметно.
Собою довольна.
Каблучные жала расколют брусчатку, железные когти таятся в
перчатке.
Надушенный шарфик в объятиях ветра.
Глаза в зазеркалье сканируют жертву.
Удушливым взглядом споткнулся прохожий, сигналият машины с
искусственной кожей.
В портал переходов, в запретные дали уходишь без крыльев,
размазав помаду.

Застывшие жесты в зелёных разводах, с укором к «Астории»
бронзовый ангел.
С пропащим поэтом во тьме напоследок не выпьет архангел
последние строки.
На площадь из окон растрескалось солнце, в застывшем мундире
воспетая пошлость,
Двуглавая каска – промёрзшие тени накрытых мешками, висящих
без тлена.
Шинели, погоны и крымская слякоть, прилипшая грязью к
подошвам потомков.
Колонно-слоновость гранитной армады...
Декабрьская нежность холодного лета, усталые крылья в окошке
без света.

Тоска

Беспричинно тоскливо, промозгло в жару,
Замыкаюсь в себе, воспевая хандру.
В конуре черепной хаотичная дурь,
Предстают впереди заглянувшие внутрь.

Многотысячный смех. Похотливая очередь
Полутворческих лиц прочитает мне проповедь,
Как прозрачная гладь беспокойного озера
Расплескалась в Неву предвесеннюю осень.

Невесомое «Я» растревожено штопором
Для мистических снов шпилевидного острова,
В фейерверки царей под чугунными масками,
В колоннаду личин увлечённое ласками.

Где палитра – ОНИ, где без будущих лет
Нарисует тоска обнажённый портрет.
Где на завтра вина, где в грядущем есть Я,
Где у чёрной реки Мы с тобой – якоря.

Балерина и кактус

Скудное солнце бликует на крейсере,
Липы чернеют подстриженным пуделем.
Помнит матросов старым бестселлером
Кайзер голштинский двуглаво-ликующий.

Окна на площадь, ливнем умытую.
В небо взирает колючая, битая.
Ступни в мозолях, бутылка допитая,
Кичкой натянута кожа с прожилками.

Кактус похож на цветение Мексики,
Ты в пустоте амстердамно-болотного
Города скверны со сложными текстами,
В жертвах и бесах творца заключённого.

Сцена помыта, пуанты завязаны.
Воды свинцовые траурно-вялые.
Лица танцовщиц хищно замазаны.
Залпы. Трансляция. Далее...

Женщина с абсентом

Дистанция слова в прицелах уколов,
В болезненном взоре немного укора.
Холодные руки согреты слезами,
Горячие губы с насмешкой углами.

Задумчивый взгляд, хранимый в топазе,
Тебя сбережёт от любовного сглаза.
Невидимой нитью сшиваются судьбы,
Увядавшие годы порвались в лоскутья.

Прикамская бронза блестит оберегом.
В легендах Урала, засыпанных снегом,
Славянские корни с кислинкой морошки,
Зырянские скулы в российской окрошке.

Направлена тень в коридор Эрмитажа
Зелёною кошкой сквозь спящего стража.
Меня облакаешь таинственным знаньем,
Касаясь мазков лишь лучами дыханья.

Пика́ссо, абсент, удлинённые руки,
Глаза, устремлённые в прошлые муки.
Голгофа признаний, ушедшая в ревность,
Кубических мыслей закатная прелесть.

Осень

Двое

Холодные руки ласкают скитальца
Телесной текстурой, орнамент ненастья.
Дороги сознания уставшего старца
Притихнут в тумане призраком счастья.

Окрашены медно-печальным закатом
Унылые стены – бетонные кельи.
Расколото солнце в стекле циферблата
Пропавших часов повседневных ущелий.

Пulsация тока рефлексом желаний,
Багровым румянцем в такт грустного танго.
Цунами рисунков старинных преданий
Срывает завесу с души куртизанки.

Дождливая ночь без «обманных движений»,
«Объятия» капель, текущих по окнам,
Щемящие ноты рассветных «качелей»²,
Аккорды Пьяццоллы по нервным волокнам.

² В кавычках даны названия движений в танго.

Дождь

Больные листья тополей, в моих движениях тревожность,
Кривые камни мостовой ломают ритм шагов в нервозность.
Считаю пасмурные дни, мне радостно в слезах природы,
Бреду по лужам без души, вниз головой в иные коды.

Чужие мысли встречных лиц уходят, словно эмигранты,
Пройдут безлико, навсегда. Мне интересны варианты
Несостоявшихся бесед, бессмыслица речей без пары.
В многообразии ролей примерю маску под фанфары.

Вдыхаю осень, выдох – пар, мгновение слияний, дождь.
От непрозрачности небес промок, меня кидает в дрожь.
Под чернотой открытого зонта – закрытый смысл моих стихов.
Из капелек дождя твой образ в дом. Сушу костюм. Я нездоров.

Свадьба

Бесшумно-безбрежно поэтов прочтенье,
Томлёная нежность чужих откровений.
В расслабленных душах звуки почтения
К торжественной оде сезонных явлений.

Невидимых пальцев ласкающий танец
Уносит туманом в старинные скверы.
Эбеновый блеск пробуждает румянец,
Слоновая кость включает торшеры.

В рассветном затишье доносится шелест
Шагов приглушённых желанной подруги.
Под звуки сонаты осины краснеют.
Фату поднимаю: мне осень – супруга.

Осенний город

Прощается город с усталостью лета,
Задумчивый месяц собой полусъеден,
Висит бесполезно в себе самоцветом.

Вечерние блики в последнем куплете.
Прилипли к асфальту зеркальные лужи
В желтеюще-красном осеннем багете.

Витрины скупают шаги по брусчатке.
Осколки неона на мокрых ботинках,
Прохожие тени остались загадкой.

Моя осень

Кто подсчитает опавшие листья?
Кто изукрасил траву серебристо?

Тихо.
Тихо люблюсь стыдливой берёзой,
Верною окнам в последнюю осень.
Знаю.
Знаю теперь, расстояние ночи
В тысячу снов живых многоточий.
Голос.
Голос неспящий болотную выпью
Древле кричит: «Растекаешься мыслью?»
Плачу.
Плачу о гóдах, прошедших с тоскою,
Страшно стучится девица с косою.
Верю.
Верю в судьбу беспричинно и свято,
Связан с ведуньей старинною клятвой.
Плачу.
Плачу живительным соком апреля,
Утром росой омываю колени.
Голос.
Голос услышу, весенние ливни
Вновь открывают осенние листья.
Знаю.

Знаю, украсив газоны печалью,
Силу подарят творящим началам.
Тихо.
Тихо! Танцует в объятых пушинка,
С гордой улыбкой тает снежинка.

Я открываю в стихах акмеиста
Пылкую женщину нонконформизма.

Прогулка

Считаем опавшие листья
По тропке неслышно шагами.
В таинственном парке затишье,
Прохлада тумана в овраге.

Уютно желтеют дорожки.
Зажглись фонари, как трёхстишья.
Висит полнолунно-холодный
Рисунок рельефной картиной.

Прижмётся щекою немножко,
Согреешься вновь поцелуем.
Смеёшься, играешь серёжкой,
С хитринкой о чём-то колдуешь.

Посмотрим на небо, танцуем
Под кронами сосен-атлантов,
Что держат над нами, брачуя,
Соцветия звезд-диамантов.

Поздняя осень

Прощаемся. Осень – немая портниха —
Согрета кострами пылающих листьев.
На мягких дорожках с иголками пихты
Оттенки зимы, ненадолго пушистой.

Я создан тобою из глыб малахита
Мозаикой чувств, порочной природой,
В изящный кратёр для напитка Лилит
Кровавый коктейль в зелёной породе.

Пропавшие, меря, мне дали унынье,
Я знаю печаль пробуждений с луною.
Ты в странном восторге, как плач балерины,
Любуешься снегом, одна с тишиною.

Она

Воспоминание

В неоформленных контурах тайну людей
Обрисует туман ежедневных потерь.
Ты идёшь под зонтом в отраженьи огней,
Выбираешь судьбу, открываешь ей дверь.

Задремавший перрон с остановкой в былое
Очищается ветром от букв прожитого.
В типографских обрывках засаленных списков
Прилепилась страница, любовников иски.

Электричка поёт, ты устало притихла,
Закрываешь глаза и вчера запретила...
Первоклассник напротив жалеет тебя,
Ты спала, он смотрел, пассажирам дерзя.

Наблюдал, и впервые накрыла волна,
Оглушила неясным почти дотемна.
Ты проснулась, в окне красоту наводила,
Электричка поёт, ты счастливых простила.

Дневник

Истрать на меня всего полстраницы
Печальных признаний, не помнящих лица.
В расправленных крыльях ночного кошмара
Отдайся звучанью охрипшей гитары.

Как сложно выходят корявые буквы
Плетеньем колечек железной кольчуги.
Пытаясь нащупать сокрытую душу,
Себя не обманешь, завоешь кликушей.

Я умер несчастным, в тебе не открытый,
На траурном поле бумажной сюиты.
Деревья-кресты распилены в доски.
В руках лишь опилки да волос в расчёске.

Усталость

Заплетённая тень из раздавленных веток
На изломанных нервах с горстью таблеток.
Осторожная тьма нерешительно стонет,
Прочитала тебя на безликом пилоне.

Не утихнет тоска, полбутылки вина,
В ядовитом дыму очутилась одна.
Сигарета трещит, затянулась опять,
Озарилась на миг. И зачем усложнять?

Омертвельный рисунок теней до утра
Дарит образ неявный, ты будешь щедра,
В многозначности боль обращаешь в слова,
Устремляется взор в полутень: «Я права?»

Ты и Я

Приближение – боль, отстранение – скука,
Иронична судьба – разогрела мне сердце.
Бьёт в артериях ложь в предвкушеньи разлуки,
И венозная кровь без нелепых сентенций.

Побелевшая плоть в истеричности смеха.
Надо мной острослов пошутил – и беспечен.
Ты увидела в ночь: я – смеющийся нехристь,
Тонкокожий, больной, для тебя бесконечен.

Знакомство

Роман – переписка
Забывших сюжетов.
Нарывы ошибок,
Шлейф расставаний.

Иголки вопросов,
Цитаты великих.
Неловкость молчанья
«За облаками».

Рассказы о прошлом,
Доверчивый шёпот.
Немного о детях:
«Видишься часто?»

Всплывают признанья:
«Тебе по секрету».
Поток откровений
Встречу молчаньем.

Смыкаются веки
Ступающей дрёмой.
Торопится утро,
Ночь подгоняет.

Прильнула к окну,
С луной совещаюсь,
Пунцовая роза
С синим топазом.

Ревность

Комнаты мало
Даже взглядом,
В стены врезаюсь
Быстрым шагом.
Губы кусаешь
Вкусом крови.
Рот, усечённый
Криком боли.
Прыгая, пальцы
Давят кнопки,
Звук извлекают
Липкой грязи.
Лампа двоится,
Разум тёмен,
В сердце иголка,
Сухо в горле.
Стрелки в полночи
Острым гадом
Сцену согласия
Пишут с Евой.
Прослушал по кругу
Песни ада.
В комнате много
Стало яда.

Ты, Я и Бусон

Опустила на плечо голову доверчиво,
Говоришь, что хорошо, хоть и опрометчиво.
Паутинка на щеке из волос промокшая
И прозрачные глаза жалостно-улыбчивы.
Бархатистой рукой глажу я прозрачную
Кожу бледную твою с синими прожилками.
Тонких пальцев тёплый след проведу узорчато,
Лабиринты моих грёз для тебя разгаданы.

Мы прошли навстречу врозь, словно с испытанием...
Я тогда с какой-то с ней,
Ты танцуешь призрачно
Танец солнечных лучей с кем-то, мной не признанным.
У него же на плече сны сплетаешь лживые,
Поведёшь уже детей в школу доброй матерью.
И она со мной мила, истерично-ласкова,
Испытующе в глаза смотрит, сострадающе.

Через много долгих лет, отшумевших листьями,
Строк непонятая тень вдруг вспорхнула бабочкой.
Чуть нащупывая дно илисто-болотное,
Как в потёмках, мы бредём крадучись с неверием,
Боязливо каждый шаг измеряя бывшими.

Сквозь года бурчит Бусон философской притчей,
Где желание и сон стали явью радости.
Горсть разжали мы вдвоём,
Счастьем умудрённые.

Быть может, я мечтал

Когда-то в юности мечтал,
Что я в огромном зале Лувра,
Смотрю рассеянно картины,
Пытаясь что-то в них понять.

Быть может, смутно ощущал,
Что рядом женщина внимала
Тому, что было мне смешно.
Мерси, какой-то Модильяни.

Возможно, что-то я сказал.
Она, наверно, посмотрела
С сомнением, может, с удивленьем:
«Что за чудак заговорил?»

Ах, нет! Вот так...
Мы, взявшись за руки, пошли
Смотреть на странные картины
И говорить... Не так!
И слушать отзвуки страстей,
Признания давно ушедших в Лету

Красавиц, рыцарей, поэтов,
Что тихо говорят,
Смотря на нас с портретов:
«Любуйся нами, мы живём!»

Я посмотрел в твои глаза,
И словно краски в них ожили,
Ты выплеснула их в меня,
Закрыв глаза, я понимаю...

Там всё живёт... бульвар Монмартр осенний
Гремит колёсами карет.
Камбре прозрачных балерин,
И как беснуется луна,
Цветут подсолнухи, и... счастье!
Увидел всё, смотря в твои глаза!

Адажио

Смолкают слова,
Шёпота струйки,
Июльская ночь,
Душистая влага.

Тела – осязание,
Души – дыхание,
Рельефы желанья —
Движение крови.

Лунные тени
Сказки рисуют,
Тел очертания
Облик меняют.

Металл накрывает
Хрупкую скрипку,
Адажио ночи,
Тонкие струны.

Волны движений,
Запах рассвета,
Раскрытых бутонов
Разлитые краски.

Изящный изгиб,
Дымок сигареты,
Слушать Марчелло,
Эхо барокко.

Моя порочная святая

Моя порочная святая,
В покрове грешной темноты
Кого зовёшь к себе, ласкаешь,
Совсем не помня про меня?

А утром свет потоком нежным,
Коснётся зелень милых глаз,
Чтоб распахнулся мир улыбкой,
Невинно-манкой, как весна.

По-детски хрупкое создание,
Меня капризно призовёшь,
Чтоб разделить свою порочность
И стать безгрешнее себя!

Наш мир

Наш мир – тихие улочки
Вдали от освещённых проспектов,
Где люди несут себя напоказ.
На этих пустынных тротуарах
Нет лиц, ни случайных, ни знакомых,
Там тишина и покой.
Там, оставаясь вдвоём,
Мы идём и молчим
Пустыми словами,
Теми, что не имеют значения,
Лишь украшая капельками дождя
Голые ветви поздней любви.

Тени

Наши тени сплелись
Под жарким солнца июля,
Они наложились друг на друга.
Я посмотрел в твои глаза.
В них были вопросы
О печали, любви и мгновениях счастья.
В моих ты увидела
Стыд застывшего ответа.
Секунда растворилась во времени.
Потупив глаза, мы разошлись.
И наши души утонули
В тени деревьев.

Восторг

Скорей же распахни окно, смотри,
Как просто хорошо!
Так необычны облака, которых не было вчера.
Протянешь руки, ну и пусть была тогда немного грусть.
Ты танцевала до утра в созвездьях радостного сна.

Рассветной свежестью дыша,
Проводишь взглядом свысока
Спешащих под окном людей в трясину будничных затей.
И невесомую рукой продирижируешь покой.

Пушинки озорных волос сейчас в порядок приведёшь.
Твой завтрак – пиршество богов, кофейно-сливочный восторг.
Откроешь новый телефон, небрежно согласишься: где же он?
Улыбка промелькнёт в губах:
«Что пишет? Ах! Пожалуй, ам!»

Она?

Холодно.
Машинно поёт
Дождь.
Под фонарём вода
Жёлто-удручена.
Тихо в шуме ему,
Услышать надо одну,
В этом дожде жду,
Когда пройдёт
Дрожь.
Болею.
Не люблю дождь.
Толпа суетливо ползёт
В уют.
Стоит под зонтом.
Она?
Неприветливо-холодна.
«Привет!
Ты кто?»
Руки холодные
Жмёт.
Тактильный контакт.
Полёт.
Вино, так себе,
Пьёт
Октавио Пас,
Гол.
Скоро пришла.
Весна!
Целует, легла...
Тоска.
Душу выпил
До дна.
Скривил рот
Лёд.
За облаками мгла.
Это опять
Не она.
Мимо прошла
Мечта.
Осталась бутылка
Вина.

Наша тайна

Распущены кудри,
Стоишь у окна.
Картинки из сутры
Ласкает луна.

Ты, сопричастная к тайне небес,
Знаешь, куда устремляется бес,
Знаешь разгадки моих полуслов,
Мысли читаешь незримых миров.

Страшно терять
И не лучше найти.
Знаешь, опять
Я сбился с пути.

Ты видишь меня в отражении стекла,
Чувствуешь дрожь в волнах тепла.
Шёпотом-паром создашь полотно.
Слово напишешь, желание одно.
Звёзды струятся к тебе на ладонь,

Заговоришь их, вдыхая огонь.
Станут зелёными кошки-глаза.
Любишь, колдуешь, меня вознося.
Руки поднимешь, расплещется свет,
Станешь сиянием будущих лет.

Бьются колени о каменный пол,
Выльются мысли на письменный стол.
Я задыхаюсь, душа словно пар.
Слышно: на улице вьётся комар.

Звёздная пыль станет брачным венцом,
Древние боги франкским мечом
Вырежут руны наших имён.
Тайным заклатьем наш путь освящён.

Просьба

Заплачь по мне,
Я оторвусь лучом затерянного света
От жизни призрачных надежд в беспечность слов о жизни вечной.

Прости меня,
Мне не дано увидеть жизнь в пурпурном блеске,
Волокнами сотку туман, мне в нём уютней, как и прежде.

Целуй меня,
Я отдаю всю нерастраченную нежность,
Губами влагу соберу, отправлю слёзы в поднебесье.

Гони меня,
Я остаюсь на фотографии настенной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.